

Саша ЗАЙЦЕВА

СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ НЕУДОБНЫХ СТУЛЬЕВ

* * *

спуск ведёт к бухте Нагайской
мимо блочных домов,
обглоданных жадным ветром
и потому напоминающих своей окраской
полотна Питера Брейгеля,
мимо пустых заводских корпусов
и горькой травы

мои прадеды здесь не бывали –
тогда все боялись Колымы, –
но расстрелян один в тридцать восьмом
на омском полигоне,
другой – в тот же год,
в день, когда выпал
первый снег в степях Караганды

к бухте Нагайской,
к морю Охотскому иначе не выйти –
только долиной смертной боли¹,
смертной человеческой красоты

на берегу театральные кресла стоят,
брошенные: грязный алый на сером

вот эта точка, чтоб наблюдать,
как волна за волной
приходят к ногам
солёной надеждой –
не твоей, но –

Океана.

¹ Номmage словам псаломы 22: «Если я и пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла».

* * *

красного дерматина
семьдесят семь неудобных стульев
в зале районного Дома культуры,
семьдесят два – пусты

лес за правой стеной, за левой –
другая планета, ступай туда,
где нет ничего, кроме белого снега
и белого неба

где пахнет надеждой и дымом,
и фиолетовый пёс бежит за девочкой
с шариком синим
семьдесят семь старых стульев,
семьдесят три – пусты

в кадках деревянных цветы,
танцы каждый четверг,
по воскресеньям – кино

вот ещё трое встали и ушли,
а ты, животом прижимаясь
к жёлтому боку фоно,
дышишь музыкой,
которая стихла давно.

* * *

светловолосый мальчик,
спрячь нас в синем снежном шаре,
поставь на книжную полку у окна

будет скучно –
подними поутру шторы,
чёрной дыры заведи пластинку,
потряси наш мирок и увидишь,
как начинается пурга.

маленький человечек
живёт в домике с высокой крышей,
играет на сиплой дудочке,
глядит на летящие блёстки,
и никогда не проходит зима

светловолосый мальчик,
смотри, какая счастливая девочка
стоит посреди снега,
задрав голову к стеклянному небу,
смотрит тебе в глаза

светловолосый мальчик,
сделай погромче музыку,
сделай погромче свою прекрасную музыку,
и мы услышим, как наступает
огромная, вечная,
органный тишина.

* * *

сезон пионов

возьми молчанья столько,
сколько сможешь
унести

на улице Лео
жил человек,
рисовал портреты
старых вещей,
его жена
стирала и развешивала
на прищепках космос,
дочь срезала цветы и ставила
в трёхлитровые банки
на лестнице

Офелия,
её звали Офелия

возьми молчания столько,
сколько сможешь
снести

* * *

белый пустой день
пустой день

оставь его себе,
чтобы прожить
под медленным снегом,
оставь себе

я не помню, чтобы мы были
ещё когда-то так счастливы,
что сугробы доставали до третьего этажа

Бог хочет, чтобы ты дурачилась,
играла с котом,
раскрашивала цветы,
вырезала картинки из старых журналов

он стоит за дверью твоей комнаты
и никому не позволяет войти

а у тебя в комнате так много света,
так много странного света ниоткуда,
и большая голубая картина на стене
и острые тени голых ветвей

* * *

время коротко

узкий лист тальника, золотая рыбка,
падает с пустого иконописного неба
на бурый песок

на этот берег мы приезжали на мотоцикле,
варили кофе на костре,
смотрели медленно на почтенную реку

помнишь?

падает длинный сентябрьский лист тальника,
три оборота по часовой

прижавшись к твоей спине,
гнать по звенящим проспектам
за солнечным зайчиком лета

время коротко
время коротко

острая нота – ми второй октавы, –
звучит в моём сердце

лист тальника
срывается с золотой верхушки,
совершает три оборота
и достигает
песка

* * *

брызнет спелый гранат, упадут ягоды
встань на холме Цицернакаберд и смотри прямо
в тот год потерявший всё увидит Арарат

мне легче, пока звучит эта музыка
дымкой укрыт город туфовых стен
джаз обрывается, старый пианист уходит
в пустом оранжевом храме какой-то человек плачет
о неизбывной красоте

нынче было жаркое лето, долины выцвели
на смятой постели горит солнечный квадрат
октябрь осыпает парки лимонными листьями
если день будет ясным, ты увидишь Арарат

эта музыка не повторится более
неважно, в сущности, благословен или проклят
пей холодную горную воду, смотри прямо

если тебе повезёт
ты увидишь
Арарат